

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС ОБ ОБРАЗОВАНИИ И О БУДУЩЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В статье исследуется состояние мирового цивилизационного процесса. По мнению автора, в современном обществе преобладают материалистические приоритеты, а не морально-нравственные нормы. Позиция исследователя основана на восприятии феномена религии как важнейшего атрибута социума, ценностной системы общества, определяющей цели его развития и характер деятельности его индивидов. В работе комментируются возможные варианты управляемого развития человеческого общества, а также рассматриваются пути его осуществления.

A. Lagunov

RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL DISCOURSE ON EDUCATION AND FUTURE OF MANKIND

The article views condition of the global civilization process. According to the author's opinion, materialistic priorities but not moral norms are dominating in the modern society. The position of the author is based on understanding the phenomenon of religion as an important attribute of society and its value system, which determines aims of its development and people's nature of activity. Possible variants of society's controllable development are commented in the article, and ways of its realization are considered.

Современное положение дел в мире не дает поводов для оптимистического прогнозирования будущего. Нестабильная экологическая ситуация, не прекращающаяся ядерная угроза, рост техногенной аварийности, неравенство народов в экономическом развитии, неблагополучие морально-этических начал в обществе настойчиво требуют коренного пересмотра взглядов на эволюционное развитие мировой цивилизации. Но нельзя сказать, что то критическое положение, в котором ока-

залась общечеловеческая цивилизация (и Россия как ее неотъемлемая часть), стало очевидным только в последнее время. Весь процесс развития в рамках материалистических приоритетов последовательно вел нас к сегодняшнему состоянию. Причем эти приоритеты были характерны не только для Советского Союза с узаконенной в нем марксистской идеологией, но и для всего западного мира. Картезианское выделение двух субстанций — духовной и материальной — предполагало и то, что изу-

чать их проявления должны разные науки, науки о духе и науки о природе. Естественно-научное направление после такого разделения развивалось как никогда раньше, а вот науки о духе постепенно стали науками о культуре, а затем и вовсе потеряли предмет своего изучения — дух, религиозное мышление не стало уже восприниматься как средство познания.

Проблема дифференциации, расслоения не только классов в пределах государств, но и народов в мировом масштабе, иначе проблема отсталости так называемых сегодня «развивающихся» стран от «развитых», возникла не вчера. Достаточно давно было ясно, что современный проект глобализации по-американски, как бы подтягивающий отстающие народы к «нормальному» уровню материального потребления развитых стран и старающийся не афишировать информацию об ограниченности возможностей природы «переваривать» отходы технической деятельности человека и давать ресурсы на таковую, поскольку эта информация приводит к выводу о необходимости «элитизации» меньшей, избранной (вернее, самоизбранной) части человечества, невыполним в принципе в контексте идеалов равенства народов. Более столетия назад Н. Ф. Федоров писал, что «мир идет к концу, а человек своей деятельностью даже способствует приближению конца, ибо цивилизация, эксплуатирующая, но не восстанавливающая, не может иметь иного результата, кроме ускорения конца.

Во главе этой цивилизации стоит Англия, которая силится все народы, и в особенности Россию, обратить в чернорабочих, в орудие для эксплуатации земли, стремится принудить их добывать сырые продукты, которым Англия придает лишь красивую внешность и соблазняет ими ту же деревенщину, глушь, которая сама же и добыла их»¹. Как видим, эта фраза почти целиком применима для характеристики современного положения дел, за исключением, разве, того, что сегодня уже не только Англия «силится» жить за счет других,

низших народов, все более удаляющихся от мировой кормушки. Советский период в нашей истории можно рассматривать как грандиозную попытку преодоления Россией мирового неравенства, попытку, к сожалению, не учитывавшую ни особенностей самого российского суперэтноса, ни права личности на уникальность.

Сегодня совершенно ясно, во-первых, что глобализация является необходимым процессом, о чем свидетельствует сам ход истории, тяготеющий к универсализации, и, во-вторых, что происходить она должна иначе, чем сегодня, а именно с превалярованием духовно-нравственных ориентиров в развитии народов, имеющих право на свои особенности, на свою уникальность. Поэтому-то и актуальны, на наш взгляд, в современном социуме наработки русской религиозной философии в области исследования соборного, универсально-уникального начала, определяющегося мировой софийностью.

Довольно часто предпринимаются попытки определения стратегических целей развития человечества, однако многовариантность полагаемого в будущем результата не позволяет сформировать единую, устраивающую всех картину будущего. Представляется, что дело здесь в том, что футуролог, прогнозируя развитие общества, невольно экстраполирует субъективные оценки настоящего на будущее состояние социума, чем изначально вносит в свои рассуждения ошибку. Ясно, что всякий индивид и каждое общество имеют свои, определенные на данном конкретном историческом этапе, цели. Зная их, можно достаточно точно предсказать будущие состояния как жизни отдельного человека, так и сообщества людей, проанализировав имеющуюся связь с целями и стремление к ним, вырабатываемые средства достижения целей. Но эти цели могут быть и субъективными, и объективными, причем футурологическому прогнозированию, экстраполяции поддаются лишь объективные цели. Эта мысль требует некоторого пояснения.

На наш взгляд, у каждого человека в жизни имеются цели, выводимые из его мировоззрения и определяемые его желаниями, такие цели можно характеризовать как субъективные. Если эти цели свойственны только отдельному индивиду, то не играют большой роли в жизни других, но когда они присущи не отдельным людям, а множеству, или когда личность становится исторической, начинает влиять на развитие общества, то субъективные цели становятся чрезвычайно важны для анализа состояния социума. Но делать какие-либо верные прогнозы на основании субъективных целей, как представляется, есть занятие неблагодарное и неэффективное, поскольку последние исходят из неконстантной человеческой свободной воли, подвержены случайным изменениям и не поддаются под какие-либо закономерности.

Однако достаточно часто в истории как отдельных людей, так и человечества в целом цели не ставятся субъективно, а уясняются, проявляются, чувствуются, такие цели задаются независимо от субъекта, а потому возможно именовать их объективными. Любая догматическая религия основывается именно на таких целях (конечно, не без примеси и субъективных, поскольку является не только божественной, но и человеческой), и это объясняет сходство многих положений разных религий. Здесь мы ведем речь уже об универсальных целях, основаниях универсальной нравственности.

Позиция автора в целом основывается на том, что отождествление религии и культовой деятельности, определяемой культовыми отношениями, неправомерно, так как феномен религии, важнейший атрибут любого социума, следует рассматривать в более широком аспекте, а именно как ценностную систему того или иного общества, определяющую цели его развития и опосредующую деятельность индивидов. Религиозность же рассматривается нами двояким образом. С одной стороны, она обуславливает стремление к постижению истины, к формированию представлений о

мире, о социальных целях и средствах их реализации. Поскольку религиозность свойственна человеку, обществу, она всегда субъективна, однако ее проявление в конкретной жизни социума приводит к становлению вполне определенной религиозно-ценностной системы, религии, которая связывает общественный смысл не только с субъективными целями, но и с объективными (субъект, пусть и относительно, но прогрессирующе познает объект). Поэтому субъективная религиозность и есть детерминанта субъективно-объективных религий, доля объективных целей в которых со временем возрастает. С другой стороны, религиозность представляет собой убежденность в правильности и необходимости цели, методов и средств развития, полагающихся конкретной религиозно-ценностной системой, и убежденность эта не может быть полностью рационализирована, поскольку основывается на безусловной вере в те или иные авторитетные источники.

Религии тесно связаны с нравственными нормами, частично изменяющимися во времени. Ведь что такое положительная мораль, как не система принятых в обществе норм поведения, обусловленных социальными целями и так или иначе понимаемыми средствами их достижения? Всякая историческая религия, связанная с целеполагающим мировоззрением социума, не только оказывает непосредственное воздействие на нравственность, но и формирует ее в целом. Здесь, для избежания обвинений в излишнем релятивизме, следует отметить, что нравственные нормы, обуславливающиеся целями того или иного социума, рассматриваются нами также в двух аспектах: в универсальном, всеобщем и в уникальном, особенном. И те, и другие нормы в различных соотношениях воплощаются в каждой конкретной исторической системе позитивной нравственности.

Существуют нормы безусловные, всегда принимаемые и неизменные в пространстве и времени, они объективны и не зависят от часто меняющихся мнений. Это

прежде всего фундаментальные установки всякой реально ставшей догматической религии о любви к миру и людям, о критериях распознавания добра и зла, о поведении в обществе, которые опосредуют и нравственные требования к верующим. Иначе, универсальные, объективные, всеобщие нравственные нормы – это нормы, данные человечеству как совокупности субъектов, личностей в социальном плане, извне, а потому независимые от последних. Ясно, что подобная трактовка таких норм предполагает и телеологию мироздания, и наличие внешних по отношению к человеку духовных сил, обуславливающих его духовно-творческое сознание, которое, в свою очередь, как распознает универсальные нормы, так и формирует уникальные, особенные нравственные нормы, трансформирующиеся во времени и пространстве, а потому субъективные, относительные, ориентированные на меняющиеся ценностные установки. Таким образом, универсальные нормы можно отнести к необходимым, к божественным, уникальные же – к человеческим, случайным, но не следует забывать, что субъективные нравственные нормы, с одной стороны, являются продуктом духовно-творческой деятельности человека, а с другой – их социальная объективация направляется (не управляется) универсальными нормами, и уже потому мы не можем считать особенные нравственные нормы безусловно релятивистскими.

Итак, объективные цели социума как основания объективирующихся универсальных нравственных норм (конечно, в аспекте человеческого существует и обратная связь: универсальные нравственные нормы, уясненные социумом, позволяют точнее определить и универсальные цели последнего) доступны прогнозированию, поскольку константны, не меняются во времени в своих содержаниях, от футуролога требуется лишь наиболее точно распознать их в настоящем с тем, чтобы перенести в будущее.

На наш взгляд, прогнозирование перспектив будущего развития наиболее эффективно там, где оно исходит из объективных оснований – объективных целей и, соответственно, объективных средств, конструирующих будущие состояния обществ. Поэтому наиболее реальны прогнозы «духовидцев», исследователей, опирающихся не столько на человеческие, субъективные детерминанты развития, сколько на божественные, объективные. И еще одним методологическим правилом должен, по нашему мнению, руководствоваться футуролог при составлении достоверных прогнозов. Идеи, цели, вызревающие в обществе, имеют тенденцию к замедлению своего реального воплощения. То есть, идейное мышление в момент своего оформления в умах мыслителей не имеет еще конкретизации, объективации в социуме, последняя происходит во времени несколько позже, после соответствующих интерпретаций последователями оригинальных идей.

В отечественных разработках последних лет наиболее интересна для нашего дискурса позиция универсального эволюционизма академика Н. Н. Моисеева², основанная на развитии применительно к современности концепции русского космизма. Отрицая принципиальную возможность управляемого развития человеческого общества, Н. Н. Моисеев доказывал, что по мере усложнения общественной системы число связей между ее элементами растет непропорционально быстро, что делает невозможным надлежащий контроль для управленца. Однако необходимо вести речь о развитии направляемом, корректируемом «институтами согласия». Под последними подразумеваются общественно-научные структуры, занимающиеся нахождением оптимального для всех выхода из конфликтных ситуаций и прогнозированием основных направлений развития общества. Руководствоваться эти институты должны так называемым принципом кормчего, который заключается не в слепом следовании

к избранной цели, а в постоянной корректировке курса в связи со складывающимися реальными воздействиями на него.

Для осуществления направляемого развития общества необходимы, во-первых, четкое осознание всеми его членами невозможности дальнейшего цивилизационного развития по привычному хаотически-техногенному пути и, во-вторых, мобилизация мирового научного потенциала для решения труднейших задач прогнозирования, наделение его представителей определенной степенью власти. В этой связи требуется повышенное внимание общества к своим «институтам Учителей». В эпоху нэосферы лучшие носители разума должны иметь все условия для своей реализации в практической деятельности и для передачи накопленных знаний преемникам, чтобы сформировать базис общества и привлекать людей на службу социальной системе по степени их пригодности к управленческой (или направленной?) деятельности.

Конечно, утверждения Н. Н. Моисеева о необходимости формирования «института Учителей», координирующего, направляющего развитие общества в соответствии с требованиями нравственного императива, не может не вызывать одобрение. Вообще, по нашему мнению, представление о нравственном глобальном кризисе как определяющем и тезис о необходимости начинать решение прочих глобальных проблем именно с решения, опирающегося прежде всего на образовательный процесс, проблемы нравственной, являются эвристическими в поисках выхода из кризисного состояния современного социума. Нравственный императив диктуется экологическим, т. е., иначе, угроза жизни человека подталкивает его к дискурсу о нравственности. Но до какой степени должно прийти критическое состояние нашего общества, чтобы, действительно, люди и их правительства осознали необходимость стать высокоморальными? И не являются ли сегодня все мыслимые глобальные кризисы следствием искажения деятельности человечества,

отходом его от универсально-нравственных норм? А если универсально-нравственные нормы, как отмечалось ранее, нельзя полагать вымышленными, если они заданы человеку извне, то не можем ли мы сделать следующее предположение об основных причинах современного состояния социума: таковыми являются отторжение человечества от мира божественного и преувеличение им значения мира человеческого?

С. Н. Булгаков отличал «действие Бога в мире, хотя и совершаемое в человеке и чрез человека (что и есть теургия в собственном и точном смысле слова), от действия *человеческого*, совершаемого силой божественной софийности, ему присущей... Первое есть божественное нисхождение, второе – человеческое восхождение, одно идет с неба на землю, другое от земли устремляется к небу. И обе эти возможности: теургия и софиургия, должны быть совершенно различены, между тем как они постоянно смешиваются, чем и создается двусмысленность и неясность»³. Понимание современной прогностикой значимости не только человеческого, но и божественного в разворачивающемся мировом процессе позволит надеяться на значительные достижения в ней. На наш взгляд, слабость множества социальных прогнозов, не обращающих должного внимания на духовно-нравственную и религиозную стороны жизни обществ, проявляется в том, что в них делаются попытки «провидения» социального будущего человечества, исходящие только из социальности людей, создающих общественные институты, государственные структуры, идеологические системы. При этом исследователь вовлекается в порочный круг прогнозирования лучшего социального будущего на основании социального же настоящего, в антиномии божественного и человеческого явное предпочтение отдается человеческому, и в результате возникают несостоятельные, утопические прогнозы. Если же принимать во внимание не только человеческие действия и их последствия, но и действие бо-

жественное, тогда картина прогнозируемого будущего будет представляться совершенно иным образом, а главное, предположение о возможности подъема нравственности в далеко не универсально-моральном современном обществе уже не будет являться крайне наивным.

Действительно, если в качестве основной цели, обуславливающей и средства для выхода из тупиков развития социума, гарантирующие решение глобальных проблем и дорогу в светлое будущее, принимается повышение любви, духовности, нравственности в обществе, то исходя из современных реалий возникают вопросы: Какие действия необходимы для этого со стороны конкретных людей, обществ, правительств? Как будет происходить отбор высоконравственных личностей, направляющих процессы развития, а главное, каким образом они будут наделяться полномочиями, ведь вполне понятно, что карьерный рост и нравственность сегодня являются трудно совместимыми понятиями? Какими средствами будут пользоваться лучшие представители общества, руководители-направители (в случае, если вообще возможно создание такого института) для умирения нелояльных к их планам членов социума? Вполне понятно, что исследователь, ставящий подобные вопросы и исходящий только из предположения о необходимости преобразования человеческих социальных институтов, может вызвать в лучшем случае усмешку и упрек в наивности. Однако если мы в своих прогнозах будем исходить также из предположения о божественном действии, о благодати, которую следует свободно воспринять человечеству, наивность перерастет в твердую уверенность, и коренным станет вопрос об образовании (о создании истинно человеческого образа, о «воспитании» божественной энергией, о соборном единении личностей в становящейся Церкви, т. е. вопрос о софиургийном творчестве, согласующемся с творчеством божественным, с теургией).

Образование, на наш взгляд, следует понимать в более широком смысле, не просто как процесс обучения кого-либо чему-нибудь, но как постоянный процесс самосоздания человеком самого себя, своего образа, опосредуемый внешним воздействием со стороны конкретного общества. Любой социум, действительно, а не номинально желающий для себя будущности, образовательные проблемы должен выносить на первый план, поскольку все остальные — экономические, политические, внутренней и внешней безопасности, социальные, здравоохранения и прочие — в той или иной степени зависят от образов, персон, наполняющих конкретным содержанием все общественные институты, приводящих их в действие и совершенствующих по мере необходимости.

Важно отметить, что к превалированию проблемы образования приводит сам ход экономического развития общества, при котором в результате замены человека машиной высвобождается время и рабочая сила. По мнению И. В. Бестужева-Лады, автоматизация и компьютеризация промышленного производства уже в первой четверти XXI в. позволит сократить долю занятых в нем до 10%, а по некоторым прогнозам — даже до 5% общего числа работоспособного населения. Высвобождаемая масса работников уходит сегодня в сферу обслуживания, но перед компьютеризацией в будущем не устоит и она, поскольку вскоре будет привлекать считанные проценты населения. Немного людей займут и другие сферы — государственного управления, охраны общественного порядка, здравоохранения — но, в общем, больше 15–20% занятых на рабочих местах не наберется. Что же делать оставшимся 80–85%? Или они станут в очередь за пособием по безработице, или в условиях альтернативной цивилизации «наиболее значительная часть высвобожденных работников и их рабочего времени будет — по крайней мере должна быть направлена в сферу народного образования. Не обязательно в качестве

профессиональных педагогов..., но обязательно в качестве помощников воспитателя, преподавателя»⁴.

Преобразование, преображение природы должно осуществляться людьми, создающими свой истинный образ. Создание же образа — взаимный процесс, требующий усилий как самого человека, так и всего общества, в нем следует принимать участие и самой личности, и семье, и школе, и профессиональным учебным заведениям, и различным дополнительным образовательным институтам, поскольку становление персонального образа не завершается с получением того или иного диплома, а продолжается на протяжении всей человеческой жизни.

Следование сократовскому принципу, по которому добродетель есть знание добра и действие в соответствии с этим знанием, на наш взгляд — единственно применимая сегодня методология, открывающая человечеству будущее. Элитное, узкопрофессиональное образование позволило создать техногенную цивилизацию и обусловило современные глобальные проблемы. Необходимо не только вернуться к всеобщему и бесплатному образованию, но и расширить его, уделяя особенное внимание развитию творческого мышления каждого индивида. В процессе самообучения и внешнего обучения человек должен знакомиться с альтернативными религиозными, научными, философскими мировоззрениями, осуществляя самостоятельный выбор собственных предпочтений. Если мы допускаем возможность глобализации, универсализации мирового социума, то почему бы все-таки не допустить и возможность свободного, доб-

ровольного формирования у человечества общих представлений об истине? Плюрализм, установившийся сегодня в философском мышлении, по нашему мнению, будет только способствовать переоценке тысячелетних ценностей, не упускающей из вида всех накоплений человеческого разума.

Образовательный процесс откроет для человека новые возможности внутреннего самосовершенствования, необходимого для восприятия божественной благодати и софийного преображения мира. К сожалению, опора только на силы разума привела к созданию не ноосферы в лучшем, нравственном смысле этого понятия, но техносферы, нивелирующей личность и уничтожающей мораль. Поскольку при преобразовании социума и природы необходимо учитывать как человеческое в них, так и божественное, то, думается, для обозначения создающегося, творящегося Богом и свободным человечеством мира уместно употребление термина «софиосфера», подчеркивающего, с одной стороны, синергичное взаимодействие преобразующих сил (София — извечная Премудрость Божия, она же — становящееся Человечество), и, с другой — единство и многообразие (два аспекта Софии) преобразуемых начал, социума и природы. Ставшая софиосфера — область творчества Богочеловечества в преображенной природе, софиосфера становящаяся — прогрессирующий результат процесса формирования этой области посредством создания человеческих образов, соборно объединяющихся и осуществляющих преобразовательную деятельность в отношении природы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Федоров Н. Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства: Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим. — М., 2006. — С. 324.

² См.: Моисеев Н. Н. Быть или не быть... человечеству? — М., 1999; Моисеев Н. Н. Пути к созиданию. — М., 1992; Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. — М., 1990; Моисеев Н. Н. Экология человечества глазами математика: (Человек, природа и будущее цивилизации). — М., 1988.

³ Булгаков С. Н. Свет невечерний. — Режим доступа: <http://www.abovo.net.ru/book/84482>. — С. 307.

⁴ Бестужев-Лада И. В. Альтернативная цивилизация. — М., 2003. — С. 299.